

райдер (0,61), саунд (0,64), парти (0,61), плей-офф (0,53), форвард (0,55), стрингер (0,53), фиксёр (0,64), шоплифтинг (0,69), хостис (0,61), ресепшн (0,55), фэшин-шоу (0,64), свингер (0,55), хэтчбек (0,2), мейк-ап (0,64), рефери (0,39), унисекс (0,44), сейшн (0,47), перформанс (0,53), саундтрек (0,39) и др.

В итоге из 281 иноязычного слова было отобрано 100 неолексем с показателями «новизны» от 0 до 0,97, которые выступили в качестве слов-стимулов на втором этапе нашего эксперимента, причём большую их часть (75 слов) составили *слабые неологизмы* и *неологизмы переходного типа*.

Из дальнейшего нашего исследования выбыла большая группа иноязычных с коэффициентом новизны от 0,8 до 1, так как была высока вероятность того, что мы не получим ожидаемых экспериментальных фактов: *ренкинг, листинг, толлинг, флеш-моб, таймшер, такс-фри, мерчендайзинг, франчайзинг, хакинг, треш, девелопер, райдер, релукинг, сиквел, пагер, скансен, нон-фикшн, форчеккинг, экиден, стрейчинг, драгрейсинг, сэйв, шоплифтинг, фломаркет, слоу-фуд, грумер, стрикер, эр-бег* и др. Также были исключены со второго этапа эксперимента некоторые иноязычные лексемы, которые, как нам кажется, уже утратили статус неологизма и примкнули в современном русском языке к общеупотребительной лексике: *шоп, бутик, джакузи, мюсли, гамбургер, чизбургер, тинейджер, киллер, суши, бигмак* и др. Если говорить относительно иноязычий *ваучер, миллениум, пейджер*, то эти слова, просуществовав в статусе неологизма сравнительно недолго, перешли в разряд пассивной лексики, что и явилось причиной их «выбывания» из экспериментального исследования. Отдельного комментария требует слово *пикап* (*pick-up* – ‘познакомиться, подцепить кого-л.’ *ABBYY Lingvo 12.0*) с коэффициентом новизны 0,41, которое вышло из экспериментального материала во избежание нежелательной омонимии, так как в современном русском языке за этим словом закрепилось значение ‘небольшой автомобиль для перевозки грузов и пассажиров, с откидными сиденьями по бокам’.

Таким образом, сопоставительный анализ результатов первого этапа проведенного экспериментального исследования показал: объективная новизна иноязычных лексем – их наличие или отсутствие в толковых словарях конца XX века – не всегда совпадает с субъективной новизной воспринимаемых реципиентами единиц номинации, так как ощущение новизны, по словам С.И.Тогоевой, во многом зависит от жизненного опыта человека, от его общекультурной, профессиональной, языковой и лингвистической компетенции.

Литература

1. Англо-русский словарь общей лексики (*The Universal English-Russian Dictionary*) // *ABBYY Lingvo 12* [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан.(913 416 192 байт).– М.: *ABBYY Software House*, 2006. – 1CD-ROM.
2. Ильина, Л. А. Методологические проблемы исследования процесса лексического заимствования // Л.А. Ильина // *Лексика и фразеология языков народов Сибири*. – Новосибирск, 1984. – С. 14–15.
3. Ильина, О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций (на материале газетных текстов 1990–1995 гг.) / О.В. Ильина // *Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах*. – Новосибирск, 1998. – С. 41–48.
4. Мамонтова, Т. Н. Специфика функционирования заимствованных слов в индивидуальном лексиконе [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. Н. Мамонтова. – М: РГБ, 2005. – 139 с.

Н. В. Жданович (Беларусь, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка)

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Поэтическая речь отличается преобладанием признаков (сигнификативной) семантики, поэтому в создании образно-поэтической картины мира эпитету принадлежит основная роль. Не случайно эпитеты занимают значительное место в поэтической речи первой половины XIX века, оставаясь излюбленным изобразительно-выразительным средством. С одной стороны, эпитеты этого периода связаны со сложившейся традицией словоупотребления и ориентированы на систему образных определений предшествующих направлений – классицизма и сентиментализма; с другой – эпитеты первой половины XIX века характеризуются возрастающей тенденцией к индивидуализации определений.

Наши наблюдения показывают, что поэтическая речь первой половины XIX века не «перенасыщена» дублетными или отвлеченными эпитетами, характерными для поэзии XVIII века, и стремится к конкретизации отвлеченных представлений за счет употребления метафорических эпитетов. По сравнению с эпитетами классицизма, эпитеты первой половины XIX века отличаются большей экспрессивностью и эмоциональностью. В отличие от сентиментальных определений, они дают определяемому слову более конкретную, мотивированную внешними либо внутренними признаками характеристику и уточняют, детализируют образ. Появившееся разнообразие определений расширяет круг поэтических номинаций того или иного явления, предмета, вербальной ситуации в целом. Преобладание получают простые эпитеты, хотя сложные определения все еще остаются в поэтической

речи, а в идиостиле В. А. Жуковского их состав и частотность даже увеличиваются в позднем периоде творчества.

В поэтической речи первой половины XIX века эпитет уже не является орнаментальным средством, выполняющим только украшающую функцию. Он становится центром атрибутивной конструкции и семантически значимым для адекватной интерпретации образа компонентом художественного текста, поскольку апеллирует к содержательным свойствам определяемого слова и воздействует на его коммуникативно значимую часть смысла. Эпитет актуализирует авторские ассоциации и эксплицирует оценочные представления, отображающие особенности мировидения поэта, выявляющие его языковую личность. Это позволяет говорить о том, что в первой половине XIX века у эпитета развиваются важные коммуникативно-прагматические функции – аппеллятивная и интенционально-суггестивная.

Практически у каждого поэта появляются ключевые эпитеты, которые можно назвать своеобразными метками идиостиля: для В. А. Жуковского – определения *очарованный, туманный*, для Ф. Н. Глинки – *горячий, кипучий, кипящий, палящий*, для М. Ю. Лермонтова – *безнадежный, гордый, мятежный, одинокий*.

Круг художественных определений первой половины XIX века достаточно широк, однако все они вписываются в рамки традиционной семантико-стилистической дифференциации эпитетов на *постоянные, общеязыковые, индивидуально-авторские* определения, которая отражает разные степени проявления субъективного начала в характеристике предмета и осмыслении ситуации: общеязыковые определения характеризуются относительно стандартными связями с дистрибутом и значительной частотностью употребления в речи; редкие эпитеты составляют специфику идиостиля того или иного поэта, как правило, они единичны и характеризуются необычными семантическими и синтагматическими связями или же отличаются новизной формы.

Несмотря на подчеркнутый интерес ученых к проявлению в языке творческих особенностей языковой личности, в лингвистике нет типологии индивидуально-авторских эпитетов и какой-либо универсальной схемы анализа. Мы сочли возможным разделить редкие эпитеты на три группы: 1) *потенциальные*; 2) *оксюморонные*; 3) *окказиональные*.

Выделение *оксюморонных* определений наиболее очевидно, поскольку атрибутивные конструкции являются самой распространенной формой существования оксюморона: *всевидающий слепой* (К. Н. Батюшков), *ужасная красота* (В. А. Жуковский), *долгое мгновение* (А. С. Пушкин), *сладостная кручина* (Е. А. Баратынский) – семантическое рассогласование признаков определения и определяемого лежит в основе образования такого рода эпитетов. Выделение же *потенциальных* и *окказиональных* эпитетов нуждается в оговорке, так как в лингвистической литературе нет единства в толковании понятий «окказиональное» и «потенциальное» [2], [3]. Как правило, эти номинации появляются в исследованиях, касающихся процессов деривации: неологизмы получают статус окказиональной или потенциальной единицы в зависимости от продуктивности модели, хотя такое деление тоже спорно и принимается не всеми учеными. Некоторые лингвисты к окказиональным единицам склонны относить вообще любые индивидуально-авторские образования, в том числе и редкие эпитеты. Мы дифференцируем терминологические определения «окказиональный» и «потенциальный» применительно к индивидуально-авторским эпитетам, связывая с деривацией только первое из них.

Потенциальными мы называем такие редкие эпитеты, которые как слова уже есть в языке, но по отношению к данному дистрибуту являются новыми определениями. Они эксплицируют такие признаки, которые, возможно, присущи предмету, но пока не замечены в узусе и еще не были актуализированы в речи: *глухая душа, жадная судьбина, неверные волны, несытая земля, покорная тишина, пышные надежды* (В. А. Жуковский); *ветреный успех, гордая жажда, жадная скука, ласковые измены, пестрая тревога, послушная душа, прилежный страх, седое время, сладкая беседа, храбрый век* (А. С. Пушкин); *болтливая вниманье, послушная тоска, ревнивые тучи, теплая вера, юный луч* (М. Ю. Лермонтов). *Окказиональными* эпитеты в нашем понимании – это собственно новообразования: *долго-томный вечер, отрада, радужная дума* (Ф. Н. Глинка), *широкошумные дубровы, бесстыдно-бледные лица* (А. С. Пушкин), *преступно-заглохшая душа* (Ап. Григорьев).

Наличие инвариантных сем в структуре определения и определяемого, а также в семантике денотатов позволяют говорить о потенциальности определения, которое воспринимается как необычное. Например, *легкокрылое* здоровье, *легкокрылое* наслаждение, *крылатый* сон (К. Н. Батюшков) – редкие эпитеты по отношению к определяемым словам, но они семантически согласованы с ними: наслаждение, сон – временные состояния человека, как не вечно и здоровье. Наличие темпорального признака в семантике данных дистрибутов сближает их между собой и с определениями на основе общей семы «непостоянство» (крылатость – символ кратковременности, способности быстро исчезать).

Редкие определения представлены в произведениях всех поэтов, однако их количество различно. Наименьший процент (менее 3%) нестандартных атрибутивных сочетаний выявлен у В. В. Капнина (1,6%), К. Н. Батюшкова (2,1%) и Ф. Н. Глинки (2,8%). У других поэтов количество индивидуально-авторских определений колеблется от 3 до 3,9%: Н. М. Карамзин – 3,2%, В. А. Жуковский – 3,9%.

А. С. Пушкин – 3,7%, Е. А. Баратынский – 3,5%, В. Г. Бенедиктов – 3,6%, М. Ю. Лермонтов – 3%, Ап. Григорьев – 3,9%, Ап. Майков – 3,3%.

Есть спорные случаи, когда нельзя однозначно ответить, является ли эпитет индивидуально-авторским или же заимствован из других источников – литературных (например, поэтической речи современников автора) или диалектных. Так, Ф. Е. Корш относит к пушкинским неологизмам определение *приютный* ‘обещающий приют’: *Волшебный край! Очей отрада! / Все живо там: холмы, леса, / Янтарь и яхонт винограда, / Долин приютная краса, / И струй и тополей прохлада* (Бахчисарайский фонтан) [1]. Однако такое предположение более чем сомнительно, поскольку этот эпитет (в аналогичном значении) неоднократно встречается в поэзии современников и непосредственных предшественников А. С. Пушкина, в частности, в поэзии В. В. Капниста и К. Н. Батюшкова: *Приутный дом мой под соломой / По мне, – ни низок, ни высок; / Для дружбы есть в нем уголок* (В. В. Капнист. Обуховка); *А когда в сени приютной / Мы услышим смерти зов, / То, как лозы винограда / Обвивают тонкий вяз, / Так меня, моя отрада, / Обнимет в последний раз!* (К. Н. Батюшков. Элизий).

В поэзии первой половины XIX века преобладают потенциальные эпитеты (75%), продуктивны окказиональные определения (19,5%) и, возможно, только зарождается третий тип – эпитеты-оксюмороны (5,5%). Такая ранжировка индивидуально-авторских определений обусловлена тем, что образование нестандартных атрибутивных сочетаний, прежде всего, связано с реализацией потенциально присущих определению и определяемому свойств, актуализированных в системе эстетической коммуникации.

Проведенный структурно-семантический анализ ≈ 500 сочетаний с потенциальными эпитетами позволяет говорить о том, что многие из них мотивированы: в большинстве примеров (83 %) можно найти мотив переноса признака и определить мотивирующие семы. Благодаря наличию мотивирующих образов в сознании носителей языка возникают разнообразные прототипические эффекты, связанные с предметом речи, которые доказывают потенциальность индивидуально-авторского определения к нему.

Оксюморонные эпитеты, в отличие от потенциальных и окказиональных, в поэзии первой половины XIX века являются частным приемом словоупотребления. Среди них преобладание получили такие определения, которые создают размытый оксюморон, основанный скорее не на языковом противопоставлении, а на контекстуальном: *благодатный яд, погибельное счастье, тяжелое умиление, упоительная отравка, язвительное молчание* (А. С. Пушкин); *глубокомысленный шатун, безглазольная речь, необходимый предатель, тяжелое вдохновение, влажный пламень* (Е. А. Баратынский).

Окказиональные определения представлены в основном сложениями, образование которых связано с поэтической традицией классицизма: *гневно-огненные очи, железно-жیلیстые руки, спасительно-суровый собеседник* (В. А. Жуковский), *сладостно-туманная забота* (Е. А. Баратынский), *ласкательно-суровые слова, огнемтежная кровь* (В. Г. Бенедиктов), *молньеметательные очи, широкобежный орел* (Ап. Майков).

Редкие, индивидуально-авторские эпитеты незначительны в количественном отношении (739 выявленных индивидуально-авторских определений составляют ≈ 3,1 % от общего числа эпитетов), но весьма значимы для интерпретации авторского смысла. Являясь довольно гибкими в смысловом отношении единицами текста, они способны репрезентировать различные оттенки чувств, мыслей субъекта речи. Именно поэтому эпитеты представляют интерес для исследователя не только как изобразительное средство (в плане выражения), но и как один из способов обогащения семантической структуры слова (в плане содержания).

Литература

1. Булаховский, Л. А. Русский литературный язык 1-й пол. XIX века. Лексика и общие замечания о слоге // Л. А. Булаховский. – Киев, 1957. – 492 с.
2. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. – М.: Высш. шк., 1976. – 119 с.
3. Шабовіч, М. Аказіяналізмы ў беларускіх мастацкіх тэкстах (да праблемы даследавання) / М. Шабовіч // Слова. Вобраз. Кантэкст: зб. навук. арт. / рэд. Э. Д. Блінава, Н. В. Гаурош [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 1994. – С. 58–69.

В. В. Зирка (Украина, Днепропетровский университет экономики и права)

РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Многочисленность исследований рекламы в языковом аспекте позволяет говорить о зарождении и становлении нового направления в лингвистике – *лингвистическом рекламоведении*. В сферу этого направления входит изучение моделей создания рекламных текстов, разработка принципов отношения к ним (их принятие или неприятие), создание номенклатуры способов актуализации языковых единиц в тексте, анализ синтаксиса рекламы с точки зрения его роли в достижении цели рекламной коммуникации; определение жанрового своеобразия рекламы и ее места в системе функциональных